

ПАНОРАМА: ИСТОРИЯ МИРА, I

Древние путешественники в
Северной и Южной Америке,
Австралии и Океании.
8000–500 года до н. э. Часть 2

Потомки сообществ собирателей, которые впервые колонизировали Австралию 60 000 лет назад или более, провели следующие десятки тысяч лет в процессе освоения всего континента. Археологические данные указывают на то, что расселение человека в Тасмании произошло более 35 000 лет назад, когда она еще являлась частью континента, а не самостоятельным островом. В то далекое время, вероятно, наибольшее количество популяций собирателей населяло либо южную часть Австралии в районе реки Мюррей, либо вдоль тропических северных берегов.

Определенной популярностью пользуется утверждение, что австралийские аборигены, грубо говоря, не имели никакой истории, поскольку до современной эпохи их образ жизни практически оставался неизменным. Это неправильно. Наше знание истории аборигенов до конца восемнадцатого века зависит от археологии, исторической лингвистики, аборигенных устных традиций, а в последнее время и генетического анализа. Поэтому сложно увидеть изменения в течение коротких промежутков времени. Однако, изучая длительные временные отрезки, ученые обнаруживают множество свидетельств изменения миграционных моделей, изготовления орудий, керамических технологий, строительства поселений и стилей искусства, представленных на стенах скальных укрытий и пещер.

Глобальный климатический переход от ледникового периода к более теплым голоценам, который начался около 16 000 лет назад, почти наверняка ускорил социальные изменения, поскольку это повлияло на местные условия окружающей среды для растений и животных. Например, в юго-западной Тасмании во время ледникового периода взаимодействующие группы делали лагеря в пещерах и охотились на сумчатых млекопитающих. Но они, похоже, покинули этот регион, поскольку климатические изменения привели к росту густых и труднопроходимых тропических лесов, что, в свою очередь, подорвало охотничью экономику. Поэтому жители переместились в прибрежные районы, где они и их потомки успешно перешли на морскую диету, требующую различных технологий и знаний о сборе пищи.

Таяние ледников и повышение уровня моря не только скрыли под водой мосты, соединяющие как Новую Гвинею, так и Тасманию с Австралией, но и изменили береговые линии, заставив прибрежные общины неоднократно покидать свои лагеря, остатки которых сейчас находятся под водой.

Регулярные человеческие контакты между Австралией, Новой Гвинеей и, возможно, другими островами Индонезийского архипелага уменьшались, оставляя собирателей Австралии и гораздо большее население в Афроевразии в отдельных сферах взаимодействия. К примеру, жители индонезийских островов все более вовлекались в глобальную афроазиатскую сеть обмена, в то время как австралийцы оставались в стороне.

Однако изоляция между Афроевразией и Австралией не была абсолютной. Люди, жившие на северном побережье австралийского континента, имели как минимум эпизодические контакты с жителями Новой Гвинеи. Мы это знаем, потому что уже после исчезновения сухопутного моста в Австралии фиксируются осколки керамики гвинейского стиля, также некоторые растения, произрастающие в Индонезии. Дикая австралийская собака, известная под названием динго, прибыла из Юго-Восточной Азии около 1500 года до н. э. Ширина пролива Торреса, отделяющего Новую Гвинею от Австралии, составляет всего девяносто километров в самом узком месте, и большинство ученых считают, что по крайней мере эпизодическая торговля все же имела место между этими регионами. В более позднее время торговцы из Юго-Восточной Азии часто проникали на территорию Северной Австралии для добычи так называемых морских огурцов, – морских животных, считающихся кулинарным деликатесом.

Влияли ли на изменения контакты с Индонезией или нет, история Австралии, тем не менее, продолжалась. В некоторых населенных пунктах население продолжало расти, поскольку существовало изобилие доступных продуктов. В этих условиях общинам приходилось создавать более сложные социальные группировки и правила, чтобы определить, какие участки территории и ее продовольственные ресурсы принадлежат той или иной группе сотрудничества. Как и в других частях света в палеолитические времена, конкуренция за ресурсы стимулировала разделение групп, что, в свою очередь, способствовало развитию различных традиций в одежде, украшениях и, возможно, речи. Например, в долине Мюррей археологи обнаружили места захоронения, датированные периодом от 9500 до 8000 годов до нашей эры, в которых

такие предметы, как раковины, зубы кенгуру и куски охры (используемые для окраски тела), по-видимому, идентифицировали умерших членов определенного сообщества. В раскопках обнаруживаются также человеческие черепа с удлинёнными формами, которые, вероятно, деформировались искусственным образом в младенческом возрасте, чтобы придать членам одного племени резко отличающийся облик. Кроме того, поскольку группы мигрировали по всему континенту, который простирается почти на 4 тысячи километров с востока на запад, языковые сообщества расходились. Во время первого контакта с европейцами австралийцы, возможно, говорили на более чем 250 языках.

Ученые собрали достаточное количество материальных свидетельств, что австралийские сообщества, отдаленные друг от друга, обменивались новыми идеями для создания более совершенных и универсальных ножей, копей, дрелей, шлифовальных камней. В некоторых частях континента, где плотность населения была относительно высока, имел место усиленный торговый обмен, люди из разных групп принимали участие в торжественных собраниях, общины создавали лагеря вдоль рек или на морском побережье в течение более длительных периодов времени, и стали появляться лидеры со специальным социальным статусом. В религиозной жизни австралийских аборигенов значительное место занимало божество, известное под названием «Радужный змей».

Однако в Австралии не произошло одомашнивания растений и животных, то есть отсутствовало сельское хозяйство. В предыдущих лекциях упоминалось, что на других континентах одомашнивание растений и животных произошло не потому, что кто-то предвидел, к каким результатам это приведет в дальнейшем. Это был просто вынужденный процесс, обусловленный климатическими изменениями, исчерпанием доступных ресурсов, ростом населения. Вероятно, в Австралии такие стрессы не достигли достаточно критического уровня, чтобы стимулировать серьезные усилия для одомашнивания растений. Что касается животных, то все разновидности сумчатых млекопитающих, обитающих в Австралии, практически полностью исчезли во время плейстоцена, как и большинство крупных млекопитающих произошло в Америке несколько позже. Более того, выжившие виды кенгуру и их родственники не поддаются одомашниванию.

Это не означает, однако, что аборигены никогда не экспериментировали с новыми способами поиска и обработки пищи. В юго-восточной части континента люди использовали камни для измельчения диких семян в муку еще примерно 35 000 лет назад. В более позднее время сообщества на севере и востоке собирали дикое просо. Этот вид деятельности, как мы знаем, в Плодородном Полумесяце, Египте и Китае в конечном итоге привело к развитию земледелия. С далеких времен группы аборигенов сознательно выжигали участки кустарников или травы, чтобы ускорить рост новых съедобных растений. Это способствовало также возвращению травоядных животных, на которых охотились австралийцы.

В течение десятков тысяч лет торговля, миграции, смешанные браки между группами стимулировали инновации в жизни Австралии. Но пока население и дикие продовольственные ресурсы оставались в балансе, все изменения происходили гораздо медленнее, нежели на других континентах. Когда европейцы впервые высадились в Австралии в 1788 году, население всего континента составляло не более 750 000 человек.

Восток Евразии был отправной точкой для колонизации людьми не только Австралии, Северной и Южной Америки, но также и многих из 25 000 островов, которые расположены в Тихом океане. Географы называют этот регион Океанией. Австралия и Америка существовали как отдельные «миры» человеческой истории в течение тысяч лет, частично из-за исчезновения наземных мостов, которые связывали их с Азией.

Океания же стала отдельным регионом поселений, потому что самые ранние колонизаторы мигрировали по таким огромным районам открытого океана, в итоге, потеряв связь не только с народами Евразии, Австралии и Америки, но также друг с другом, за исключением случаев, когда острова находились достаточно близко друг к другу. Ширина Тихого океана составляет почти 17 тысяч километров на экваторе и составляет почти треть поверхности Земли.

Когда ранние мигранты продвигались в деревянных лодках на восток от морской Юго-Восточной Азии, они обнаружили, что острова, на которых они высадились, постепенно уменьшались, а морские разделы между ними становились все больше. Самыми отдаленными

пределами, которых достигли эти мигранты, были Гавайские острова в середине Тихого океана и крошечный Рапа Нуи на далеком юго-западе. Этот клочок земли находится всего в 4000 километрах к западу от Чили. В соответствии с представлениями европейских морских капитанов девятнадцатого века, географы разделили острова на три основные группы: Меланезию, Микронезию и Полинезию. Эта терминология остается в употреблении, но ученые также недавно задумались о новом двухчастном разделении. Одно из них это Океания, объединяющая острова в западном океане к югу от экватора, в том числе Новая Гвинея и Меланезийские острова, расположенные недалеко от него. Этот регион имеет тесную экологическую близость с морской Юго-Восточной Азией, и люди заселяли его в промежутке между 60 000 и 10 000 лет назад. Другой регион – удаленная Океания, которая включает в себя всю остальную островную часть Тихого океана и которую люди не колонизировали примерно до 1600 года до н. э. и 400 года н. э., когда произошло заселение Гавайских островов и Рапа Нуи. В Ближней Океании, находящейся вблизи тропической Юго-Восточной Азии, исторически проявлялось многообразие видов растений и животных. В Дальней Океании, напротив, имелись достаточно скудные природные ресурсы.

К 8000 году до нашей эры группы собирателей стали заселять Меланезию, например, Соломоновы Острова, которые расположены примерно в восьмистах километрах к востоку от Новой Гвинеи. Технология этих мигрантов определенно включала морские каноэ или плоты, хотя никаких следов их конструкции не осталось. Ранние меланезийцы имели ограниченный набор инструментов из камня и кости. Они также делали бусы, кольца для рук и рыболовные крючки из раковин. Они организовывали лагеря, иногда в естественных укрытиях под покровом скал, которые объединяли до тридцати человек. Есть свидетельства, что жители архипелага Бисмарк между Новой Гвинеей и Соломоновыми островами занимались межостровной торговлей обсидианом. Население Новой Гвинеи и соседних островов представляют собой многочисленные локализованные группы, которые долгое время жили изолированно друг от друга. Об этом говорит колоссальное разнообразие языков, классифицированных в целом как папуасские. Сегодня люди в западной Меланезии говорят на 750 папуасских языках, и раньше их было, вероятно, намного больше. Связи этих языков настолько далеки, что лингвисты выделили примерно шестьдесят разных подсемейств. В Новой Гвинее тропические лесные горцы одомашнивали бананы, ямы и таро примерно с 7000 до н. э., то есть чуть позже, чем мезоамериканцы стали проводить свои первые сельскохозяйственные эксперименты. Архипелаги к востоку от большого острова имели такой же тропический климат и вулканические почвы. Это может частично объяснить, почему жители этих островов, в отличие от собирателей северной Австралии, занялись земледелием в последующие тысячелетия.

Затем, около 1600 г. до н. э. в Океании стала происходить культурная трансформация. В предыдущих лекциях рассказывалось о том, как складывались длинные и сложные передвижения австронезийских земледельцев, говорящих фермеров и рыбаков из Китая на Тайвань около 4000 г. до н. э., а также на Филиппины и в Индонезию. Некоторые из этих мигрантов повернули на восток, достигнув прибрежных низменностей Новой Гвинеи, а также близлежащих островов Бисмарка. В своем багаже они принесли с собой сельскохозяйственные культуры, животных, инструменты и декоративные конструкции, ранее неизвестные в Меланезии. Австронезийские группы селились в больших деревнях, в отличие от папуасов, они строили прямоугольные жилища, иногда возводя их на сваях вдоль береговой линии.

Наиболее наглядно культуру австронезийских народов представляет характерная красная глянцевая керамика, красиво украшенная штампованными геометрическими фигурами. Археологи назвали эту керамику культурой Лапита, в честь местности, где были совершены первые находки, и она стала олицетворением всего культурного комплекса, связанного с австронезийскими народами. На архипелаге Бисмарка и Соломоновых островах и, возможно, в Новой Гвинее культура Лапита использовала уже существующие папуасские традиции. Австронезийцы переняли также созданные папуасами инструменты, украшения и такие сельскохозяйственные культуры, как ям и таро, создавая, возможно, в течение десятилетий новый культурный синтез, имеющий элементы как папуасского, так и австронезийского происхождения.

Эра культуры Лапита длилась около 1500 лет. В течение этого времени носители культуры Лапита мигрировали дальше на восток, колонизируя острова, которых раньше никогда не достигали люди. Они имели достаточно прочные лодки, позволяющие морякам плыть в открытом океане и терять землю из виду на несколько дней или недель. Они использовали аутригер, устройство, предположительно изобретенное в Юго-Восточной Азии и представляющее собой тяжелый кусок дерева, установленный параллельно каноэ и прикрепленный к нему шестью. Аутригер стабилизировал каноэ, предотвращая его опрокидывание под ударами волн. Двойной аутригер обеспечивал еще большую стабильность. Возможно, в каноэ с аутригерами, оснащенных парусами и веслами, исследователи обнаружили архипелаг Фиджи около 1100 года до н. э. после пересечения, по крайней мере, 850 километров в открытом океане, где большую часть времени приходилось бороться с встречными ветрами и течениями.

Морские историки продолжают задаваться вопросом, как эти моряки нашли свой путь к землям, о существовании которых они не могли знать заранее. Эти путешественники стали экспертами в навигации по солнцу, луне и звездам, а также наблюдали за птицами, характеристиками растительного вещества, разлетающимся на море, и тонкими изменениями в течении, ветре и температуре. Древние моряки, возможно, охотно принимали на себя огромные риски в Тихом океане, потому что их собственный опыт подсказывал им, что большое море покрывает всю поверхность мира, и что выживание от одного поколения к другому зависит от обнаружения новых участков суши, которые обязательно находились в океане.

По мере перемещения на восток и юго-восток, после занятия Фиджи, Тонгу, Самоа и других островов древние мореходы обнаружили, что биоразнообразие становится все более узким. Но они успешно колонизировали новые места, потому что они складывали в свои каноэ не только горшки, но и растения, и семена, чтобы выращивать корнеплоды, овощи, фрукты и ореховые деревья. Они также имели множество инструментов, а также живых свиней, цыплят и собак. Если у них не было обсидиана, они использовали вулканический базальт, изменяя конструкцию инструмента, чтобы сделать резак и скребки из этого твердого камня. После того, как группа основывала колонию, женщины в основном оставались дома, а некоторые мужчины периодически совершали плавания на соседние острова, чтобы торговать или исследовать.

Постепенно австронезийские языки изменялись и увеличивались. Западный край Дальней Океании, по-видимому, был родиной полинезийского подсемейства, в котором существовало как минимум тридцать языков. Полинезийские языки лингвистически тесно связаны между собой. Это говорит о том, что рассредоточение мигрирующих групп на островах имело место в течение сотен, а не тысяч лет. Недавний анализ ДНК образцов тканей живых островитян Тихого океана выявил тесные генетические связи между всеми популяциями Дальней Океании.

Тихоокеанские пионеры изобретательно адаптировались к различным географическим и экологическим условиям: от низко расположенных атоллов до возвышающихся вулканических островов. Им также приходилось приспосабливаться к резким колебаниям осадков в результате трех семилетних циклов Эль-Ниньо изменения температуры поверхности Тихого океана. Колонисты создали различные социальные и политические институты. В некоторых местах, включая Тонгу и Гавайи, появились социальные иерархии и вожди. Где бы они не оседали, они радикально вмешивались в местную среду. Их быстро размножающиеся популяции свиней ненасытно истребляли почвенный покров. Поселенцы быстро исчерпывали леса в поисках топлива и строительных материалов, и регулярно сами устраивали пожары для очистки земель под посевы и выпас скота. Огонь, земледелие и обезлесение вызвали хроническую эрозию почв, что повлекло за собой исчезновение местных видов растений и животных.

По всей видимости, поиски островов продолжались не вследствие страсти к путешествиям, а потому, что поселенцы сталкивались с комбинациями деградации окружающей среды и роста населения, что побуждало некоторые семьи пытаться искать новые места для жизни. Некоторые преуспели, другие, несомненно, погибли в море в тщетном поиске земли. Со временем некоторые островные общины разработали социальные правила и ритуальные табу для защиты животных, медленной потери леса и ограничения рождаемости. Другие не делали ничего такого и неизбежно страдали.

Колонизация Дальней Океании достигла к востоку от Фиджи, Тонги и Самоа примерно в 1100 году до н. э., но затем остановилась более чем на тысячу лет. К северу и востоку острова

и архипелаги были в основном небольшими и находились дальше друг от друга. Возможно, носители культуры Лапита, которые путешествовали не дальше, чем Самоа, заняли много веков, чтобы перегруппироваться, укрепить свои технологии и разработать новые методы плавания и навигации, прежде чем осмелиться продвигаться дальше. Например, в начале общей эры гончары перестали изготавливать мелкозернистые изделия Лапита в пользу контейнеров, которые были более толстыми, простыми и более прочными. Примерно тогда же возобновились миграции на большие расстояния, что привело к колонизации островов и архипелагов дальше на восток и северо-восток. Как ни странно, ни один человек не достиг двух гораздо больших островов, которые сегодня составляют Новую Зеландию, до 1000 года.

Жители Дальней Океании потеряли все регулярные контакты с «мирами» Африки, Северной и Южной Америки и Австралии. Они также стали более изолированными друг от друга. Никакой транс-тихоокеанской сети, морской связи не сложилось. Короче говоря, Дальняя Океания не стала ареной сложных взаимодействий людей, товаров и идей, сопоставимых с Афроевразией, Америкой или даже Австралией. Тем не менее полинезийско-говорящие народы сумели покорить далекие районы Тихоокеанского бассейна задолго до того, как европейские мореплаватели сумели пересечь гораздо более узкую Атлантику.

Если мы думаем о Гавайях, Рапа Нуи и Новой Зеландии в качестве окончательных границ колонизации человечеством Земли, то в конце первого тысячелетия люди, в отличие от большинства животных видов, жили почти везде, за исключением Антарктиды. Поскольку человеческие группы, начиная с восточной стороны Африки, опоясывали планету, их сети контактов и обмена становились все длиннее, плотнее и напряженнее. Однако до 500 г. или даже меньше эти сети имели значительные пробелы. Эти длительные коммуникационные перерывы существовали по нескольким причинам. Одним из них было исчезновение наземных мостов, когда уровень голоцена поднялся. Во-вторых, точки соединения между макрорегионами были настолько далеки друг от друга, что препятствовали миграции. Немногие азиаты или североамериканцы, кроме местных адаптированных охотников, имели большой стимул путешествовать между Сибирью и Аляской. Дальний североатлантический проход между Северной Америкой и Европой также был бесперспективным, хотя носители эскимосско-алеутских языков сумели достичь Гренландии, и впоследствии викинги совершили неудачную попытку развить Ньюфаундленд. Юго-восточные азиатские фермеры, которые могли бы, вероятно, колонизировать северную Австралию, столкнулись бы с жесткой адаптацией к пустыням, болотам. Третьим объяснением недостатков был недостаток морской техники. Поскольку восточная часть Тихого океана почти лишена островов, даже самые опытные мореходы вряд ли бы достигли Южной Америки, за исключением случайных ветров и течений. И только в пятнадцатом и шестнадцатом веках европейские кораблестроители и мореплаватели выяснили, как пройти по Атлантике и Тихому океану в обоих направлениях и делать это регулярно. Из-за их взаимной изоляции на длительные эпохи Африка, Америка, Австралия и Океания представляют собой интересные лаборатории для сравнения социального поведения и исторических изменений. Прежде всего ясно, что жители этих четырех миров не стали вести себя радикально чужими способами друг от друга. Все они остались *Homo sapiens*. Культурные и социальные различия между ними стали широкими и глубокими, но не более чем различиями между народами в рамках одного макрорегиона, которые не имели прямого или постоянного контакта друг с другом – например, индонезийцы и юго-западные африканцы. Во всех четырех мирах первые колонизаторы приспособлялись и изменяли свою среду, охотясь и обрабатывая каменными орудиями. Все они развивали институты группового сотрудничества для обеспечения повседневного выживания и разрешения конфликтов. И во всех четырех подобных процессах лингвистического и культурного разделения появлялись группы, отколотые и мигрирующие друг от друга. В трех из четырех регионов некоторые люди занимались сельским хозяйством, хотя и не все. Африканцы и американцы одомашнили растения и животных независимо друг от друга, хотя сельское хозяйство на островах Тихого океана, вероятно, полностью распространялось из Юго-Восточной Азии. Узнав, как производить избыточную пищу, афроазиаты и американцы продолжали в нескольких местах, где экологические условия позволяли создавать сложные общества с городами, государствами, социальными классами, монументальными зданиями и другими особенностями, свойственными для мест с высокой

Книга: **Рапогата: История мира, I**

Лекция: **8. Древние путешественники в Северной и Южной Америке, Австралии и Океании. 8000–500 года до н. э. Часть 2**

плотностью населения. В Океании признаки социальной сложности стали появляться в таких местах, как Тонга и Гавайи, хотя естественные ограничения препятствовали инновациям в широких масштабах. Австралийцы не стали ни земледельцами, ни строителями городов, потому что они не сталкивались с серьезным экологическим давлением, стимулирующими их в этом направлении. С высоты птичьего полета наиболее заметным отличием между четырьмя макрорегионами является то, что Афроевразию, физически самый большой из них, населяло на начало нашей эры до 95 процентов населения земного шара. Поэтому в следующих лекциях мы возвращаемся к этому региону, признавая, что из-за его численности и плотных сетей обмена темпы социальных, технологических и гуманитарных изменений окружающей среды происходили там намного быстрее, чем в трех других регионах.